

ОГЛАВЛЕНИЕ

Очередной паломник.....	7
Деньги на дурь?.....	18
Незванные гости.....	22
Ноты Вселенной.....	37
Дух прамамочки.....	42
Светлые силы.....	57
Захват.....	62
Что такое ад.....	69
Когда слова судьбу меняют.....	83
Сотвори своё счастье.....	94
Кто мы?.....	106
Мутанты, сотворённые людьми.....	113
Новое утро как новая жизнь.....	129
В чём миссия отца.....	140
Птица для познания души.....	153
Система.....	163
Претворите в жизнь видение счастья.....	169
Академик Щетинин.....	183
С чем соглашаться, чему верить?.....	191
О контактёрах.....	204
Всем в лес идти?.....	209
О центрах «Анастасии».....	212

Воссоздайте Шамбалу	220
Кто ты, Анастасия?	233
Обращение Владимира Мегре к читателям.	249

По утверждению Анастасии, в тексте
заложены сочетания букв и комбинации
слов,

**БЛАГОТВОРНО ВЛИЯЮЩИЕ
НА ЧЕЛОВЕКА.**

Почувствовать это влияние можно при
чтении, когда на слух не воздействуют
звук, издаваемые искусственными
предметами и механизмами.

Естественные звуки — пение птиц,
шум дождя, шелест листьев на
деревьях — помогают положительному
воздействию.

К моменту выхода первого издания
второй книги это высказывание
Анастасии подтвердили в своих письмах
более пяти тысяч читателей.

ОЧЕРЕДНОЙ ПАЛОМНИК

Вот она! Снова передо мной большая сибирская река Обь. Добрался я до этого северного посёлка, на котором заканчивалось регулярное транспортное сообщение, и стою на берегу Оби. Для дальнейшего продвижения к месту, от которого можно пешком через тайгу дойти до полянки Анастасии, необходимо было нанять лодку или катер. У одной из множества стоявших у берега лодок разбирали рыболовные снасти трое мужчин. Я поздоровался с ними и сказал, что готов хорошо заплатить тому, кто доставит меня к указанному месту.

— Егорыч занимается у нас этим делом. Пол-миллиона берёт за доставку, — ответил один из мужиков.

Меня сразу тревожно насторожила информация о том, что кто-то здесь целенаправленно занимается транспортировкой людей к забытой среди тайги маленькой сибирской деревеньке. Всего двадцать пять километров от неё до поляны Анастасии. Да ещё заламывают такую большую цену. Значит, теперь есть желающие. Спрос рождает предложение.

Однако торг на Севере мало уместен, и я спросил:

— Как мне найти этого Егорыча?

— В посёлке где-нибудь. Скорей всего, у магазина. Вон, у его катера пацанята шалят, и внук Егорыча, Васятка, с ними. Он сбегает, его и попроси.

Васятка, смыслённый пацанёнок лет двенадцати, едва я только поздоровался, вдруг выпалил скороговоркой:

— Вам ехать надо? К Анастасии? Сейчас я! Мигом деда позову!

Васятка, не дожидаясь ответа, вприпрыжку побежал в посёлок. Мне ясно стало: ответ ему не нужен. Видно, все незнакомцы здешних мест, по мнению Васятки, имеют одну цель.

Я, расположившись на берегу реки, стал ждать. От нечего делать смотрел на воду и размышлял.

Здесь от берега до берега километр, наверно, ширина. Среди тайги, края которой не видно даже с самолёта, степенно сквозь века течёт вода... Что унесла она из прошлого, и следа не оставив? Что помнит до сих пор вода обская? Быть может, помнит, как Ермак, Сибири покоритель, прижатый врагами к берегу Оби, один с мечом в руках атаку отражал, а в воду из смертельной раны кровь его сочилась, потом вода куда-то обессилившее тело унесла... Что покорила Ермак? Быть может, действия его похожи на современные рэкетирские дела? Сравнить, наверное, сегодня может лишь река.

Быть может, значимее для реки набеги войска Чингисхана? Орда его в древности великою

считалась. В Новосибирской области районный центр есть, называется Ордынское, а в нём село, и называется оно Чингиз. Быть может, помнит та вода, как отступали орды Чингисхана с награбленным добром, как они связали молодую сибирячку и могущественный визирь умолял её и страстными речами, и влюблёнными глазами — без сопротивления, по желанью своему, поехать с ним. Молчала сибирячка, опустив глаза. Все воины, визирю подчинённые, уже сбежали, а он всё говорил ей что-то, всё любви просил. Потом на круп коня и её, и кошель с золотом забросил, в седло вскочил и к берегу Оби, спасаясь от погони, устремился на верном скакуне своём визирь. Погоня настигала. Визирь им золото бросал, а когда пустым кошель остался, визирь стал срывать с себя награды дорогие за покоренье разных стран и на траву, под ноги гнавшимся за ним бросал, но сибирячку от себя не отпускал. Весь в мыле конь к челнам на берегу Оби его принёс. Визирь девицу, связанную крепко, снял бережно с коня и в лодку посадил. Потом запрыгнул сам. Но пока от берега шестом толкал он лодку, стрела погони подоспевшей его пронзила.

Течение лодку уносило. Визирь, стрелой пронзённый, на корме лежал, он даже не смотрел на то, как с воинами три челна гребных всё ближе подплывали. Он на девицу ласково смотрел, сидевшую спокойно, молчаливо, и сам молчал: сил не было что-либо говорить. И сибирячка на него смотрела, потом, взглянув на догонявших, чуть улыбнулась им или ещё чему-то, разорвала верёвки с рук своих и в воду бросила. Взялась за вёсла сибирячка молодая...

И не сумели лодку с ней, в которой раненый визирь лежал, догнать челны погони.

В какое место, во времена какие их унесло течение воды? И что сейчас, в мгновение это, в памяти своей о нас уносит помутневшая речная вода?

Быть может, главным ты, река, считаешь города большие? Сейчас стоит на берегах Оби, ближе к её истокам, Новосибирск — огромный город. Его размеры и величие ощущаешь ли ты, река? Конечно, ясно мне, что сказать ты можешь, — мол, стоков грязных много от него, и воду из реки, что ранее живой была, теперь уж пить нельзя. А что нам делать, куда грязь от заводов своих сливать? Ведь мы же развиваемся, не то что наши предки. Учёных много сейчас у нас, много городков научных с учёными вокруг Новосибирска есть. И если отходы в тебя сливать не будем, то задохнёмся сами, и так в городе от смрада дышать трудно стало, а в некоторых районах и вообще воняет непонятно чем. Ты это всё, река, понять попробуй. Знаешь, какая техника сейчас у нас, и по твоей воде теперь уж не челны бесшумные, а дизель-теплоходы ходят. И мой теплоход ходил по твоим водам.

Вот интересно, помнит ли река меня? Как я на теплоходе шёл, самом большом из пассажирских теплоходов в нашем пароходстве. Не новым был, конечно, теплоход, все дизели, винты его на полном ходу так грохотали, что в баре слушать музыку мешали.

Что самым значимым считает и в памяти своей хранит река? Раньше смотрел на её берега с высокой палубы своего теплохода, из окон кормового бара, под звуки песен и романсов Малюгина:

Хотел в город я въехать на белом коне,
Да хозяйка корчмы улыбнулась мне,
На мосту, видно, мельник взгляд бросил косою,
И остался я на ночь с хозяйкою той.

Казались тогда мелкими и малозначимыми занимавшиеся чем-то на берегах люди. Теперь и сам среди них оказался.

Ещё я думал о том, как суметь убедить Анастасию не препятствовать мне в контактах с сыном. Странная, вообще, складывалась ситуация. Всю жизнь я мечтал о сыне. Представлял, как буду с ним, маленьким, играть. Потом воспитывать. Когда сын вырастет, станет мне хорошим помощником. Вместе бизнесом будем заниматься. Сын у меня теперь есть. И хоть не рядом он со мной, всё равно приятно осознавать, что есть на Земле самое близкое, родное и такое желанное существо. Перед отъездом с огромным удовольствием я покупал для своего малыша всякие необходимые детские вещи. Покупать-то покупал, а вот удастся ли вручить — ещё вопрос. Если бы родился мой сын от обычной женщины, деревенской или городской, неважно, всё было бы просто и ясно. Любой женщине было бы приятно, что отец о ребёнке беспокоится, старается обеспечить его всем необходимым, принять участие в воспитании. Если не делать этого добровольно, многие женщины на алименты подадут. Но Анастасия — таёжная отшельница, и у неё свои взгляды на жизнь, своё понимание ценностей. Она ещё до рождения сына заявила мне: «Никакие материальные блага в твоём понимании ему не нужны. Он будет иметь всё изначально. В тебе возникает

желание принести младенцу какую-нибудь бессмысленную побрякушку, но она ему не нужна совершенно. Она нужна тебе для самоудовлетворения: „Какой я хороший, заботливый“».

Надо же такое сказать: «Никакие материальные блага ему не нужны». А что же тогда может дать родитель новорождённому? Особенно отец? Воспитывать грудного ребёнка по-отцовски ещё рано. Как тогда выразить своё отношение к нему? Свою заботу как тогда выразить? Мать грудью кормит, ей легче, она уже при деле, а отцу что делать? В цивилизованных условиях быта можно помогать по хозяйству, по дому, заниматься материальным обеспечением семьи. Но Анастасии всего этого не нужно. Ничего нет у неё, кроме полянки таёжной. Её хозяйство само себя обеспечивает и её полностью обслуживает, а значит, и малыша тоже станет обслуживать, как увидит, что он от неё. Вот интересно, за какие деньги приобрести себе такое можно? Купить земли гектаров пять или в аренду долгосрочную приобрести сейчас не так уж сложно, но как и за какие деньги купить любовь и преданность волчицы, медведицы, букашек и орла? Пусть самой Анастасии ничего не нужно из достижений нашей цивилизации, а ребёнок почему должен страдать от такого мировоззрения матери? Даже игрушек нормальных лишён ребёнок. Она и тут по-своему всё видит. «Не нужны ребёнку бессмысленные побрякушки, вредят они ему, от истины уведят...» — говорит она.

Похоже, в её высказываниях есть приличный перегиб или суеверие сплошное. Не зря же человечество для детей столько много разных игрушек

наизобретало? Но, чтоб не спорить с Анастасией, я погремушек покупать не стал, а купил детский конструктор с надписью на коробке: «Игра для развития интеллекта у детей». И одноразовых подгузников, которыми весь мир пользуется, накупил. И питания детского тоже накупил. Оно меня просто восхитило удобством приготовления. Открываешь коробку — в ней герметично запечатанный пакет из водонепроницаемой фольги. Ножницами надрезаешь пакет, засыпаешь содержащийся в нём порошок в тёплую воду, размешиваешь, и всё готово. Порошок разный бывает: из гречки, из риса и других злаковых культур.

Ещё на коробке написано, что в нём содержатся разные витаминные добавки. Помню раньше, когда ещё моя дочь Полинка совсем маленькой была, за питанием каждый день в домовую кухню ходить приходилось, а тут накупил коробок и корми своего ребёнка без проблем. Даже варить необязательно. Разбавил водой — и всё. Я знал, что Анастасия воду себе не кипятит, и поэтому, прежде чем покупать много, купил одну коробку. Попробовал разбавить содержащийся в коробке порошок водой комнатной температуры — он растворился. Я попробовал на вкус — нормальный вкус, только пресный, потому что без соли, но для детей, наверное, и нужно без соли. Я решил, что никаких аргументов против этого порошка Анастасия найти не сможет. Абсурдно отказываться от такого удобства. Да и мир наш технократический зауважать ей придётся. Не только оружие он производит, но и о детях думает. Но больше всего из сказанного Анастасией меня беспокоило, и прежде всего своей непонятностью, следующее:

Анастасия говорила, что для того, чтобы я мог общаться с сыном, мне необходимо достичь определённой чистоты помыслов, внутренне очиститься. Непонятно только, что конкретно я должен чистить у себя внутри.

Понятнее стало бы, если бы она сказала, что надо побриться, не курить, когда к ребёнку подходишь, одежду почистить. Но она — про осознанность, про внутреннее очищение. А где эта щётка продаётся, с помощью которой внутри что-то там очистить можно? Да и что уж такого слишком грязного во мне? Пусть не лучше я других, но и не хуже. Да если каждая женщина подобные требования начнёт к мужчине предъявлять, это же сплошное чистилище нужно будет устраивать для человечества. Незаконно это. Вот я и вёз Анастасии выписку из Гражданского кодекса, где сказано, что один родитель не имеет права безосновательно лишать другого возможности видеться со своим ребёнком, даже если разведены родители. Конечно, законы наши для Анастасии мало что значат, но всё же это тоже аргумент немаловажный. Законам ведь большинство людей следует. С Анастасией тоже можно было бы поговорить более жёстко. Права на ребёнка у нас с ней должны быть равными. Раньше у меня и была мысль поговорить с ней пожестче. Но теперь засомневался в своём первоначальном решении, и вот почему. В моём рюкзаке, помимо всего прочего, были письма читателей. Не все я взял с собой, потому что писем очень много приходит. Они и в рюкзак все не вместились бы. Во многих письмах читатели с пониманием относятся к Анастасии. Называют её мессией,

таёжной феей, богиней, стихи и песни посвящают. А некоторые с ней, как с другом самым близким, говорят. Этот поток писем заставлял и меня тратить усилия на осмысливание действий своих и высказываний.

Сидеть на берегу у катера Егорыча мне пришлось часа три. Близился вечер, когда я увидел двух приближающихся ко мне мужчин и с ними внука Егорыча. Первый, пожилой, выглядел лет на шестьдесят, он был в брезентовом плаще и резиновых сапогах, с раскрасневшимся лицом, явно подвыпивший, потому что шёл, слегка покачиваясь. Второй, моложе, лет тридцати, крепкого телосложения. Когда они подошли поближе, я увидел в тёмно-русых волосах молодого сибиряка седые пряди. Мужчина, который был постарше, приблизившись ко мне, сразу сказал:

— Здорово, путник! К Анастасии собрался? Довезём. Пятьсот тысяч за провоз готовы и две бутылки в придачу.

Мне уже было понятно — я не единственный, кто пытается добраться до Анастасии, потому и плата так высока. Для них я — очередной паломник в места проживания Анастасии. Но всё же спросил:

— Почему вы решили, будто бы к какой-то Анастасии мне надо, а не просто в деревню?

— В деревню так в деревню, всё равно пятьсот приготовить. Если нет пятисот, так и в деревню не повезём.

Егорыч говорил со мной не очень-то дружелюбно.

«Такую большую сумму за перевозку берут, а разговаривают недружелюбно, — подумал я, — с чего бы это?»